

УДК 94(470+57)“1945/1946”
ББК 63.3(2)631

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ РЕПАТРИАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ СССР В 1945–1946 ГОДАХ

С.Г. Сидоров

В статье рассматривается процесс возвращения на родину иностранных военнопленных из Советского Союза в 1945–1946 годах. Автором выявляются особенности проведения репатриации военнопленных различных национальностей.

Ключевые слова: репатриация, военнопленный, Советский Союз, Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, отдельные рабочие батальоны НКВД, спецгоспиталь, тыловой лагерь, фронтовой лагерь.

В последние годы на основе материалов российских архивов опубликован ряд работ отечественных и зарубежных исследователей, в которых наряду с другими рассматривается и проблема возвращения на родину иностранных военнопленных из Советского Союза. Наибольший интерес вызывают исследования Н. Бугая [1], В.Б. Конасова [16; 17], С. Карнера [35], А. Хильгера [34], посвященные пребыванию в лагерях Главного управления по делам военнопленных и интернированных (далее – ГУПВИ) НКВД – МВД СССР и репатриации солдат вермахта; а также работы С.И. Кузнецова [18; 19], В.П. Галицкого [3] о репатриации военнопленных японцев. Основное внимание в них уделяется дипломатическим, правовым и политическим аспектам проблемы, процессу проведения и итогам массовой репатриации. В российских исследованиях практически не затронут вопрос о репатриации бывших солдат венгерской и румынской армий, представителей десятков национальностей, воевавших в составе вермахта и армий его союзников. Остановимся на этих вопросах более подробно и попытаемся проследить репатриацию военнопленных из СССР в 1945–1946 гг. и выявить

особенности этого процесса для лиц различных национальностей.

Репатриация иностранных военнопленных на родину началась сразу после капитуляции гитлеровской Германии. В отличие от последующих лет, когда военнопленные вывозились только из тыловых лагерей, в 1945 г. более 456 тыс. военнослужащих противника было освобождено из фронтовой сети ГУПВИ [2, с. 801–802; 31, л. 124]. В их числе находились главным образом раненые, больные и инвалиды. Однако европейские военнопленные не немецкой национальности, включая австрийцев, венгров и румын, отпускались из фронтовой сети и здоровые. При этом в нарушение всех существующих правил репатриации на многих освобождаемых не было составлено официальных актов передачи. Случаев, когда солдаты противника просто освобождались из фронтовых лагерей и самостоятельно следовали домой без передачи представителям властей соответствующих государств, было много. Не во всех лагерях была проведена тщательная оперативная проверка по выявлению военных преступников [29, л. 1–3].

Сегодня не представляется возможным установить точный национальный состав солдат противника, которые в 1945 г. покинули фронтовые лагеря, так как у 37 228 освобожденных из лагерей Центральной группы войск она не была установлена [2, с. 801–802].

Военнопленные, находящиеся во фронтовых лагерях, не только освобождались или вывозились в СССР, но и передавались правительствам других стран. Например, в августе 1945 г. после заключения договора с Польшей о советско-польской границе и соглашения о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией, по решению ГКО № 9865 правительству этого государства были переданы 50 тыс. солдат вермахта [30, л. 25; 8, л. 263–265]. В последующем они вошли в число отправленных на родину. После заключения межправительственного договора от 23 ноября 1945 г. о поставке в СССР урановой руды 1 500 немцев были переданы Чехословакии. В последующем число немцев на «Яхимовских шахтах» вырастет в три раза [1, с. 131; 25, л. 52].

Репатриация военнопленных из тыловых лагерей началась летом 1945 года. Уже в постановлении ГКО № 8921сс «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных» от 4 июня 1945 г. НКВД обязывался освободить и репатриировать на родину из тыловых лагерей и спецгоспиталей до 225 тыс. нетрудоспособных вражеских солдат. В изданном 15 июня приказе НКВД СССР № 00698 ГУПВИ поручалось отобрать для отправки только рядовых и унтер-офицеров. Всего по данному решению ГКО на родину вернулось 232 948 немцев и австрийцев [1, с. 126–127].

Освобожденным из лагерей по постановлению ГКО от 4 июня 1945 г. не были выданы на руки справки установленного образца. В последующем это нарушение международного права было устранено [2, с. 802].

Отбор подлежащих вывозу на родину осуществляли созданные при НКВД – УНКВД республик, краев и областей отборочные комиссии под председательством заместителей наркомов или начальников УНКВД. Перевозку освобождаемых из СССР в пункты передачи предписывалось осуществлять в санлечучках (госпитальных больных) и в крытых вагонах, оборудованных под людские перевозки. Физически ослабленных военнопленных полагалось размещать не более 24 человек на вагон. Отправляемые на родину должны были обеспечиваться питанием на весь путь следования, а эшелоны снабжаться кух-

нями, топливом для приготовления горячей пищи, необходимым оборудованием и посудой. Кроме того, приказы предписывали обеспечивать эшелоны 5-дневным выгрузочным запасом продовольствия в полном ассортименте. Однако в 1945 г. эти требования далеко не всегда соблюдались.

В число вывозимых на родину запрещалось включать тяжелобольных, которые могли не выдержать дорогу. Не подлежали освобождению и отправлению домой, независимо от состояния здоровья, все выявленные участники зверств и лица, служившие в войсках СС, СД, СА и гестапо [2, с. 801–802].

НКВД СССР 18 августа расширил перечень лиц данной категории. В него были включены:

- а) участники зверств, уже взятые на учет, а также и те из не взятых на учет, на которых имеются проверенные агентурные и официальные данные (заявления военнопленных, свидетельские показания, материалы с мест совершения злодеяний и т. д.);
- б) лица, служившие в войсках “СС” и “СА”, полевой полиции и жандармерии;
- в) сотрудники гестапо, “СД”, включая “Абвер”, разведывательных и контрразведывательных органов других государств;
- г) руководящие члены фашистских партий и их организаций, как-то: национал-социалистской рабочей партии Германии, “Скрещенные стрелы”, “Железная гвардия” и другие;
- д) все лица подозрительные по вышеуказанным признакам, находящиеся в разработке;
- е) осужденные в плену за совершенные преступления» [1, с. 176–177].

Запрет на репатриацию вышеназванных категорий действовал на протяжении всех послевоенных лет существования лагерей ГУПВИ. Кроме того, в 1945 г. в число репатрируемых не включались офицеры. В 1946 г. младших офицеров до капитана включительно стали отпускать на родину.

Лишь военнопленные французы в 1945 г. без каких-либо ограничений были возвращены на родину. Произошло это по двустороннему Соглашению о содержании и репатриации советских и французских граждан, находящихся-

ся, соответственно, под контролем французских и советских властей, утвержденному постановлением СНК СССР за № 1497-341с 29 июня 1945 года. Репатриации подлежали «все советские и французские граждане, включая и тех из них, которые подлежали привлечению к ответственности за совершенные ими преступления, в том числе и за преступления, совершенные на территории другой Договаривающейся Стороны» [13, л. 19–22]. Всего по этому решению из лагерей НКВД для военнопленных в 1945 г. было освобождено 15 139 человек [31, л. 123].

Эвакуация больных и ослабленных, их обеспечение в пути производилось в соответствии с «Инструкцией о санитарном обеспечении военнопленных и спецконтингентов при поступлении на приемные пункты и фронтовые приемно-пересыльные лагеря НКВД и при железнодорожных перевозках», объявленной Приказом НКВД СССР № 0388 от 6 октября 1943 года [2, с. 449–452; 33, с. 117–121]. При управлениях тыла фронтов Отделы по делам военнопленных и интернированных НКВД подготовили фронтовые лагеря для приема и содержания репатрируемых до передачи на родину [2, с. 127].

При проведении репатриации отношение руководства СССР к бывшим солдатам вермахта и армий его союзников было неодинаковым. Существовали также различные подходы к военнопленным тех или иных национальностей. Все это наглядно проявилось в ходе освобождения 708 тыс. человек из фронтовых и тыловых лагерей НКВД [2, с. 800], осуществляемом на основании Постановления ГКО от 13 августа и Приказа НКВД СССР № 00955 от 14 августа 1945 года.

Все освобождаемые были разделены на 2 группы. В первую включили 86 тыс. человек 20 национальностей, полностью возвращаемых на родину: англичане, американцы, бельгийцы, болгары, голландцы, греки, датчане, итальянцы, люксембуржцы, норвежцы, поляки, чехословаки (чехи, словаки, русины), шведы, швейцарцы и югославы (сербы, хорваты, словенцы, боснийцы). Во вторую группу попали 622 тыс. военнопленных, в их числе 412 тыс. немцев, 150 тыс. венгров и по 30 тыс. австрийцев и румын.

Передача военнопленных первой группы представителям соответствующих государств, за исключением чехословаков, поляков и югославов, осуществлялась через аппарат уполномоченного по делам репатриации при СНК СССР, второй группы и вышеназванных национальностей – непосредственно органами НКВД. В 1946 г. чехословаки, поляки и югославы также стали передаваться через аппарат уполномоченного по делам репатриации при Совете министров СССР.

Лица немецкой национальности могли быть освобождены как из фронтовых, так и из тыловых лагерей только будучи нетрудоспособными. Это требование распространялось также на венгров, австрийцев и румын, находящихся в тыловых лагерях. Их репатриация из фронтовых лагерей состоянием здоровья не регламентировалась.

Однако политическая ситуация в Европе, стремление Советского Союза усилить вес левых сил в ряде европейских государств заставили отойти от данной позиции. Так, 6 августа 1945 г. советское правительство уведомило правительство П. Гроза о своем решении восстановить дипломатические отношения с Румынией. По указанию И.В. Сталина 11 сентября Л.П. Берия подготовил проект постановления СНК СССР об освобождении 40 тыс. румын, который в тот же день был утвержден. Приказ Л.П. Берии был также подписан 11 сентября, когда решение СНК СССР еще не успело поступить в НКВД. Это вышло за рамки общепринятых правил издания нормативных актов. В связи с этим начальник отдела организации и комплектования ГУПВИ НКВД СССР И. Денисов приложил к приказу справку с разъяснениями того, что основанием к его изданию послужило распоряжение наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии [2, с. 804–807]. Освобождению подлежали венгры рядового и унтер-офицерского состава, снимаемые с работ предприятий дополнительно к количеству, определенному постановлением ГКО от 13 августа [там же, с. 803]. Они находились в 85 лагерях и лагерных отделениях ГУПВИ, расположенных в 59 областях и республиках СССР.

Военнопленные европейцы вначале вывозились на родину по двум направлениям: венгры, румыны, австрийцы, чехословаки и

югославы – в лагерь № 36 на станцию Сигет (Румыния), все остальные – в лагерь № 69 во Франкфурте-на-Одере (Германия). Польские военнопленные следовали по этому маршруту только до лагеря № 177, расположенного в Познани (Польша) [2, с. 808; 33, с. 238–239], в последующем – до лагеря № 284 в Бресте. Вскоре к вышеназванным добавился еще один лагерь – № 176 в Фокшанах (Румыния), через который вывозились главным образом румыны, югославы и болгары [9, л. 429].

В общей сложности по всем решениям ГКО, СНК СССР и приказам НКВД СССР из лагерей и спецгоспиталей в 1945 г. должны были освободить 1 009 109 человек. На 1 января 1946 г., по данным ГУПВИ, фактически оказались отправленными на родину 1 015 749 человек. По отдельным национальностям решения руководства страны не были полностью выполнены. К этому времени еще подлежали освобождению 6 100 румын и 1 213 итальянцев. Репатриация последних была затруднена из-за их рассредоточенности по 148 лагерям и задерживалась из-за наступивших холодов [24, л. 50].

Репатриация военнопленных в 1945 г. проходила менее организованно, чем в последующие годы. К месту передачи репатрируемые военнопленные очень часто прибывали истощенными и тяжелобольными, которых по состоянию здоровья нельзя было передавать местным властям и необходимо срочно госпитализировать. Лазареты во фронтовых лагерях и спецгоспитали были переполненными. Так, лазарет лагеря военнопленных № 69 во Франкфурте-на-Одере, имеющий 150 коек, в октябре был вынужден принять 1 000 человек. Спецгоспиталь № 1762, закрепленный за этим лагерем и принявший 2 500 человек, также был переполнен [1, с. 179–180; 2, с. 809].

В СНК СССР 29 декабря поступила телеграмма за подписью Ракоши, в которой говорилось о неудовлетворительном физическом состоянии возвращающихся на родину венгерских граждан. На запрос правительства С.Н. Круглов доложил Л.П. Берии, что в соответствии с решениями ГКО от 4 июля 1945 г. и от 13 августа из фронтовых и тыловых лагерей, из спецгоспиталей всего было освобождено 174 909 венгров, в том числе 122 тыс. из фронтовых лагерей, включая 52 909 больных,

инвалидов и других нетрудоспособных. Из тыловых лагерей и спецгоспиталей направлялись на родину исключительно больные и нетрудоспособные. И хотя, как доложил С.Н. Круглов, сигналов о неблагоприятном состоянии эшелонов и тяжелом положении венгерских военнопленных не поступало, картина встречи прибывающих была очень тяжелой.

Осенью 1945 г. завершился вывоз военнопленных из фронтовой сети ГУПВИ. По поступавшим из тыловых лагерей в Москву сведениям было видно, что далеко еще не все так называемые военнопленные не немецкой национальности, как этого требовало постановление ГКО от 13 августа, были отправлены домой. Впрочем, в момент передвижения сотен тысяч людей это не вызывало недоумения. Однако решение руководства страны необходимо было выполнять.

НКВД СССР 16 декабря 1945 г. обязал свои органы на местах сосредоточить военнопленных всех западных национальностей, кроме немцев, австрийцев, венгров и румын, в отдельных лагерях ГУПВИ. В течение трех недель в этих лагерях для отправки на родину было сосредоточено 19 917 человек (за исключением служивших в СС, СА, СД, гестапо, а также офицеров и нетранспортабельных больных). Все отобранные для репатриации были подвергнуты перепроверке, так как в оперативные органы поступила информация о том, что многие немцы выдавали себя за лиц других национальностей. В результате 4 383 человека от репатриации были отстранены [31, л. 129].

Наряду с крупными партиями освобождаемых военнопленных на родину нередко отправлялись и мелкие группы, решение о репатриации которых после соответствующей проверки органами НКВД СНК СССР принимал на основании ходатайства правительств Венгрии, Румынии, Чехословакии, Австрии [10, л. 1, 22–23, 255–256].

В итоге выполнения приказа НКВД к 22 марта из лагерей было освобождено 15 536 человек, из которых органам репатриации было передано 15 231 человек (в Одессе – 2 971 человек, в Сигете – 12 260 человек); 275 человек до передачи пришлось госпитализировать, 30 человек умерли в пути [31, л. 130]. Однако, как в дальнейшем оказалось, это были далеко не последние лица не немецкой нацио-

нальности. Большое их число содержалось в отдельных рабочих батальонах (ОРБ) НКО, где учет был поставлен плохо и 97 033 чел. содержались с нерасшифрованным национальным составом. Часть находилась на лечении в спецгоспиталях. В целях окончательного уточнения количества солдат не немецкой национальности, находящихся в ведении НКО и подлежащих освобождению и отправке на родину, С.Н. Круглов 22 февраля приказал наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей немедленно командировать в отдельные рабочие батальоны опытных работников, которые к 15 марта должны были доложить в ГУПВИ НКВД СССР данные проверки о составе контингента по чинам и национальностям [2, с. 810].

Отправка всех выявленных лиц не немецкой национальности на родину согласно указаниям правительства должна была начаться 1 апреля. Уполномоченный Совета министров СССР Ф.И. Голиков попросил МВД, чтобы всех возвращающихся на родину переодевали в менее изношенную одежду, так как внешний вид репатрируемых оставлял желать лучшего. С.Н. Круглов 4 апреля направил на имя заместителя министра вооруженных сил СССР А.В. Хрулева письмо с просьбой в счет общей выдачи для лагерей ГУПВИ выделить 25 тыс. комплектов отремонтированного летнего обмундирования и отправить их в лагеря МВД № 36 в Сигете и № 69 во Франкфурте-на-Одере, где намечалось переодевание направляемых на родину [там же, с. 811].

Сбор необходимой информации и подготовка к репатриации затянулись. Лишь 24 апреля МВД СССР приняло очередное решение о вывозе из лагерей всех вновь выявленных военнопленных не немецкой национальности. Вместе с ними на родину должны были отправиться интернированные, содержащиеся в рабочих батальонах, которые по национальности и подданству являлись гражданами этих же государств [33, с. 311–312; 14, л. 140–142].

Вывоз военнопленных начался в мае. К концу месяца в Сигет из тыловых лагерей прибыли первые 651 военнопленный и 21 интернированный 15 национальностей. В их числе было 110 дистрофиков, 117 ослабленных и 4 больных, остальные (64,5 %) по своему фи-

зическому состоянию относились к 1-й и 2-й категориям трудоспособности. В то же время проверка прибывших выявила в их числе 92 человека, служивших в войсках СС, 18 человек тех национальностей, которые по директиве МВД от 24 апреля освобождению не подлежали (11 венгров, 6 румын и 1 австриец). В связи с этим ГУПВИ МВД СССР дало указание найти и наказать виновных в отправке лиц, не подлежащих репатриации [4, л. 190–191].

Всего по директиве от 24 апреля были намечены к освобождению 15 912 человек 18 национальностей, в том числе 12 438 военнопленных [32, л. 16–17]. В лагерях и спецгоспиталях задерживались 866 больных, для которых предлагалось создать особые условия лечения и питания и по мере их готовности к отправке сообщить об этом в ГУПВИ. Дальнейшему содержанию в лагерях подлежали 981 офицер и около 3 тыс. человек, служивших в СС. Для окончательного решения судьбы этих военнопленных МВД СССР 22 мая обязало свои органы на местах собрать на них соответствующие материалы и направить в ГУПВИ [2, с. 813; 23, л. 206–207].

Последняя группа лиц не немецкой национальности в количестве 3 227 человек, задержанных ранее по болезни и для проверки, была освобождена во второй половине 1946 г. в ходе вывоза на родину больных и нетрудоспособных немцев, австрийцев, венгров и румын. Они были переданы через органы репатриации [2, с. 817–819].

В ходе освобождения военнопленных в 1946 г. имелись свои особенности. Подавляющая часть лиц, покинувших территорию СССР, относилась к разряду нетрудоспособных. По состоянию на 1 мая из 1 579 729 бывших солдат вермахта и армий его союзников работающими являлись только 1 190 662 человека. Более 360 тыс. человек (30,2 %) совсем или на длительный срок утратили трудоспособность. При этом 193 257 человек находились в лазаретах лагерей и госпиталей, 154 911 человек – в оздоровительных командах, 11 902 человека были инвалидами. В их числе, по подсчетам МВД, находилось более 150 тыс. человек, восстановление трудоспособности которых могло занять длительное время и потребовать больших затрат. Последних 26 мая С.Н. Круглов предложил репат-

риировать, а образующуюся экономию продовольствия направить на дополнительное питание остающихся в СССР военнопленных. По Постановлению Совета министров СССР № 1263-519 от 18 июня и Приказу МВД СССР № 00601 от 27 июня из лагерей МВД, спецгоспиталей и ОРБ МВС на родину в 3 очереди до 15 августа должны были отправить более 150 тыс. человек. В число лиц, возвращаемых на родину, были включены и младшие офицеры до капитана включительно всех национальностей [1, с. 181–185].

Руководители МВД на местах и начальники лагерей были обязаны не только оборудовать эшелоны, обеспечить продовольствием и осуществить отправку освобождаемых строго по плану, но и снабдить их исправной обувью и обмундированием. С этого времени за экипировкой репатрируемых всех национальностей был установлен жесткий контроль. Несмотря на это обеспечение одеждой удовлетворительного качества далеко не всегда осуществлялось. Не везде имелся запас годных к носке вещей. В ряде лагерей руководство стало запрашивать имущество с окружающих складов ГУВС МВД СССР, стремясь более хорошее обмундирование оставить для продолжающих работать. Пришлось вмешаться министру внутренних дел СССР. Так, 23 июля С.Н. Круглов потребовал от руководства МВД – УМВД мобилизовать все внутренние ресурсы для обеспечения убывающих на родину годным к носке обмундированием [33, с. 334–335].

Выезжающие домой подвергались тщательному обыску с целью изъятия писем и записок, взятых ими у товарищей для передачи родным, или различных записок, записей адресов и т. п. Подобные записки нередко обнаруживались у инвалидов в ботинках, протезах и других тайниках. В перевалочных пунктах в Фокшанах, Сегете, Франкфурте-на-Одере и Бресте под видом санобработки стали производить поголовные обыски и тщательный осмотр одежды, протезов, личных вещей и т. д. Лица, у которых обнаруживались письма и записки, от репатриации отстранялись [15, л. 49–50].

Выполнение постановления Совета Министров затянулось до середины осени. По состоянию на 15 октября в лагерь органов репатриации было отправлено 162 тыс. во-

еннопленных [1, с. 134–135; 26, л. 74]. В их числе находились и 960 человек, прошедших подготовку в антифашистской школе. Последние на родине были переданы в распоряжение Социалистической единой партии Германии (597 человек) и ЦК компартий Австрии (198 человек), Румынии (80 человек) и Венгрии (75 человек) [2, с. 818].

Вывоз около 55 тыс. человек военнопленных был осуществлен в качестве обмена больных на здоровых, содержавшихся за пределами СССР. Таких обменов было произведено два. Первый состоялся в июле – августе, когда по Постановлению Совета министров СССР № 828-338 от 13 апреля МВД заменило нетрудоспособных японцев на 22 тыс. здоровых, завезенных из лагерей Кореи.

В мае – июне комиссии МВД – УМВД Бурят-Монгольской АССР, Приморского, Хабаровского, Красноярского и Алтайского краев, Читинской, Иркутской и Кемеровской областей организовали отбор вывозимых из лагерей и спецгоспиталей и отправку через порт Посьет в порт Сейкосин (Корея) для передачи представителям командования Приморского военного округа. В Посьете был организован палаточный городок на 8 тыс. человек. Вывозимые из Кореи здоровые японцы направлялись в лагерь МВД, расположенные в Узбекской и Казахской ССР [20, л. 259–262]. В результате в Корею вывезли 27 304 больных и длительно нетрудоспособных японцев.

Вторая замена была произведена по Постановлению Совета министров СССР № 2728-1124 от 23 декабря и Приказу МВД СССР № 001196 от 26 декабря 1946 года. Для работы на угольных предприятиях Востока и Министерства топливных предприятий СССР в январе – феврале 1947 г. было завезено 27 500 физически здоровых немецких военнопленных, ранее содержавшихся в тюрьмах и лагерях Германии. Одновременно из СССР было вывезено 28 430 человек нетрудоспособных и больных немцев, а также интернированных женщин старше 35 лет, независимо от физического состояния, и женщин, имеющих детей, и беременных [28, л. 186; 6, л. 116–121].

Далеко не все из вывезенных в Германию военнопленных попали домой. По состоянию на 29 января из первых 20 эшелонов (13 275 человек), прибывших в Брест, 92 че-

ловека было госпитализировано, 51 человек умер в пути. Из числа первых 5 115 человек, прибывших во Франкфурт-на-Одере, 18 пришлось госпитализировать [2, с. 829]. Наибольшие потери произошли в эшелонах, отправленных из лагерей Свердловской области. По данным фактам С.Н. Круглов поручил провести строгое расследование причин смертности и «установить виновных для привлечения их к ответственности» [12, л. 256].

Осенью 1946 г. активизировались переговоры между Советским Союзом и США по вопросу репатриации японских военнопленных. Совет министров СССР 4 октября принял первое Постановление за № 2235-921 о вывозе на родину 25 тыс. японских военнопленных и гражданских лиц. Освобождение осуществлялось из лагерей, не подготовленных к размещению и использованию контингента в зимних условиях. Отправка первой партии японцев проводилась полностью в составе батальонов, организуемых для работы, включая также офицеров. Больных и ослабленных в число репатрируемых включать запрещалось. Передача осуществлялась через органы уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации [2, с. 815–816; 33, с. 348–349; 21, л. 202–204].

Выполнение этого решения правительства шло значительно труднее. Предприятия не хотели расставаться с работоспособными военнопленными. По состоянию на конец года органам репатриации было передано только 18 616 человек в специально созданные транзитные лагеря в порту Находка, в г. Чите и на станции Мальта Иркутской области. Репатриация остальных была отложена на апрель 1947 г. из-за наступившей зимы [2, с. 827–829].

В целях усиления своего политического влияния в Европе советское правительство изменило отношение к военнопленным австрийцам, венграм и румынам. В октябре МВД и МВС СССР распорядились в 10-дневный срок перевести представителей указанных национальностей из ОРБ МВС в близлежащие лагеря МВД. Также и все остальные европейские военнопленные не немецкой национальности, находящиеся в отдельных рабочих батальонах, в 15-дневный срок вывозились в Одесский лагерь № 159, Киевский № 62 и Темниковский № 58 (Мордовская АССР) [27, л. 11; 15, л. 103]. Таким образом,

в распоряжении вооруженных сил остались только немцы. Во всех лагерях МВД началось отделение военнопленных австрийцев, венгров и румын от немцев.

В разгар подготовки к парламентским выборам 5 ноября в Румынии в соответствии с еще не подписанным постановлением Совета министров СССР (оно было подписано 9 ноября) С.Н. Круглов издал Приказ № 0374 об отправке на родину двумя партиями более 10 тыс. военнопленных румын. Вывоз первой из них в составе подобранных по уездам в Румынии 1 721 антифашистов, в том числе 700 человек, окончивших антифашистские школы и сосредоточенных в лагерях № 62, 144, 241 и 256, был произведен 6 ноября. Отправка второй группы, куда вошли более 8 400 человек, началась 8 ноября [22, л. 87–91].

Выполнение решения руководства страны было произведено в рекордно короткие сроки. Уже 15 ноября С.Н. Круглов доложил И.В. Сталину и Л.П. Берии о том, что в период с 6 по 9 ноября все освобождаемые полностью погружены в эшелоны и отправлены в Румынию. Однако продвижение эшелонов осуществлялось медленно. По состоянию на 14 ноября только 2 411 человек были переданы в Фокшанах представителям румынского правительства, остальные находились в пути [9, л. 381].

Примерно тогда же С.Н. Круглов получил указание осуществить дополнительную отправку на родину 5 тыс. военнопленных австрийцев. В их числе по Приказу МВД СССР № 001042 от 28 ноября в период с 5 по 20 декабря на родину должны были убыть 300 офицеров от младшего лейтенанта до капитана включительно, 2 тыс. больных и ослабленных из лазаретов лагерей и спецгоспиталей, 2 700 здоровых трудоспособных военнопленных за счет снятия их с второстепенных работ, в первую очередь хорошо зарекомендовавших себя на производстве. В их число вошла и 1 тыс. антифашистов [2, с. 825–826; 5, л. 3–8]. В общей сложности по этому приказу на родину было отправлено 5 100 человек [26, л. 12].

Итоги освобождения военнопленных из лагерей, спецгоспиталей и отдельных рабочих батальонов НКО – МВС по решениям руководства СССР, принятым в 1945–1946 гг., представлены в таблице.

Число военнопленных, освобожденных из плена и содержащихся в СССР, по состоянию на 1 февраля 1947 г. [2, с. 292; 31, л. 195–197; 11, л. 137–139]

Национальность	Освобождено				Содержится в СССР на 01.02 1947г.
	за 1945 г.	за 1946 г.	за 1945–1946 гг.	всего на 01.02 1947 г.	
Немцы	620 087	144 609	764 696	785 961	988 287
Венгры	176 134	18 079	194 213	194 246	211 619
Австрийцы	70 112	11 942	82 054	82 076	61 432
Румыны	61 633	12 594	74 227	74 231	37 325
Чехословаки	42 472	11 796	54 268	54 351	1 337
Поляки	46 693	6 760	53 453	53 453	981
Японцы	–	47 121	47 121	47 121	452 157
Итальянцы	18 965	2 095	21 060	21 076	47
Французы	17 466	1 987	19 453	20 960	–
Югославы	13 531	3 241	16 772	16 805	575
Голландцы	3 271	915	4 186	4 230	237
Евреи	1 703	674	2 377	2 379	2 494
Люксембуржцы	1 424	111	1 535	1 538	13
Бельгийцы	1 346	333	1 679	1 687	143
Датчане	243	110	353	361	59
Швейцарцы	103	66	169	169	12
Болгары	96	67	163	163	11
Турки	47	57	104	104	14
Испанцы	32	23	55	72	322
Прочие 32 национальности	2 665	5 929	8 594	10 621	6 309
Нерасшифрованные национальности	38 379	19	38 398	38 301	–
<i>Итого</i>	1 116 402	268 528	1 384 930	1 409 905	1 763 784

Всего по состоянию на 1 февраля 1947 г. было репатрировано около 1 410 тыс. бывших солдат противника. В СССР оставались 1 763,8 тыс. человек. Домой были отпущены все военнопленные так называемой не немецкой национальности, кроме участников зверств на оккупированной территории и лиц, служивших в войсках СС, СД, СА, гестапо.

Вместе с тем бывшие военнослужащие Квантунской армии, не являющиеся японцами и вывезенные в СССР, в 1945–1946 гг. не смогли увидеть своих родных, так как решение об их освобождении не принималось. По состоянию на 10 февраля 1947 г. в СССР находилось 2 192 корейца, 151 китаец, 2 монгола и 1 бурят [2, с. 292].

Немцы освобождались только нетрудоспособные. Здоровые продолжали трудиться в народном хозяйстве СССР. Все попытки работников ГУПВИ установить отправку до-

мой в качестве поощрительной меры для хорошо работающих военнопленных не нашли поддержки в правительстве.

В отличие от немцев, часть бывших солдат армий противника – австрийцы, венгры, румыны и японцы – по политическим соображениям вывозились из тыловых лагерей ГУПВИ и ОРБ МВС в хорошем физическом состоянии.

Освобождение солдат японской армии проходило более медленными темпами, чем европейских. К началу 1947 г. их было освобождено менее 10 % от числа находящихся в СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугай, Н. Репатриация военнопленных немцев из СССР в 40–50-е годы / Н. Бугай. – Электрон.

текстовые дан. – Режим доступа: http://www.rau.su/observer/N03_96/3_11.htm. – Загл. с экрана.

2. Военнопленные в СССР, 1939–1956: Документы и материалы / сост. М. М. Загоруйко, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; под ред. М. М. Загоруйко. – М.: Логос, 2000. – 1120 с.

3. Галицкий, В. П. Японские военнопленные и интернированные в СССР // Новая и новейшая история. – 1999. – № 3. – С. 18–33.

4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). – Ф. 9401. – Оп. 1. – Д. 2434.

5. ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 1а. – Д. 203.

6. ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 1а. – Д. 204.

7. ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 1а. – Д. 206.

8. ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 2. – Д. 98.

9. ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 2. – Д. 139.

10. ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 2. – Д. 141.

11. ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 2. – Д. 172.

12. ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 12. – Д. 205. – Т. 15.

13. ГА РФ. – Ф. 9526. – Оп. 1. – Д. 1119.

14. Директива МВД СССР № 102 от 24 апреля 1946 г. // ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 1а. – Д. 214.

15. Директива МВД СССР № 210 от 16 августа 1946 г. // ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 1а. – Д. 215.

16. Коначов, В. Б. Преемники Сталина и проблема немецких военнопленных / В. Б. Коначов // Отечественная история. – 1998. – № 5. – С. 167–174.

17. Коначов, В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: очерки и документы / В. Б. Коначов. – Вологда: Изд-во Волог. ин-та повышения квалификации пед. кадров, 1996. – 320 с.

18. Кузнецов, С. И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй ми-

ровой войны / С. И. Кузнецов. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1994. – 190 с.

19. Кузнецов, С. И. Японцы в Сибирском плену, 1945–1956 / С. И. Кузнецов. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1997. – 261 с.

20. Приказ МВД СССР № 00385 от 4 мая 1946 г. // ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 1а. – Д. 197.

21. Приказ МВД СССР № 00916 от 11 октября 1946 г. // ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 1а. – Д. 201.

22. Приказ МВД СССР № 0374 от 5 ноября 1946 г. // ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 1а. – Д. 208.

23. Распоряжение МВД СССР № 112 от 22 мая 1946 г. // ГА РФ. – Ф. 9401. – Оп. 1а. – Д. 216.

24. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). – Ф. 1п. – Оп. 15а. – Д. 1.

25. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 17а. – Д. 2.

26. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 17а. – Д. 9.

27. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 17а. – Д. 1.

28. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 23а. – Д. 3.

29. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 23а. – Д. 14.

30. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 34а. – Д. 8.

31. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 12е. – Д. 12.

32. РГВА. – Ф. 1п. – Оп. 4и. – Д. 27.

33. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. – Т. 24 (13). – М.: Терра, 1996. – 560 с.

34. Hilger, A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung / A. Hilger. – Essen: Klartext-Verl., 2000. – 484 p.

35. Karner, S. Im Archipel GUPVI: Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956 / S. Karner. – Wien; Munchen: Oldenbourg, 1995. – 270 p.

THE SPECIFICITY OF DIRECTING THE REPATRIATION CAMPAIGN OF FOREIGN PRISONERS-OF-WAR FROM THE USSR IN 1945–1946

S. G. Sidorov

The process of homecoming of foreign prisoners-of-war from the USSR in 1945–1946 is considered in the article. The author contemplates a specificity of directing the repatriation of the prisoners-of-war of various nationalities.

Key words: *repatriation, prisoner-of-war, the Soviet Union, Chief Directorate for Prisoners of War and Internee's Affairs (GUPVI), ORB NKO (labor battalions at People's Defense Commissariat), "special hospital", rear camp, front camp.*